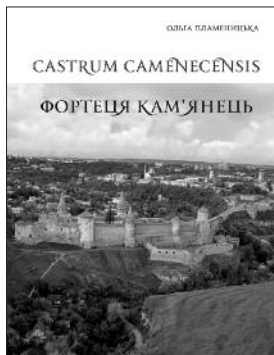

НОВАЯ КНИГА ПРО СТАРУЮ КРЕПОСТЬ

ПЛАМЕНИЦЬКА Ольга. Castrum Camenecensis. Фортеця Кам'янець (пізньоантичний — ранньомодерний час) / Нац. акад. образотворч. мистец. і архітектури. — Кам'янець-Подільський: ФОП Сисин О. В.; [Абетка], 2012. — 672 с.: іл.: карта. — ISBN 978-617-539-118-1. — Наклад 2000 прим.

В июне—июле 1989 года, после второго курса, с группой прочих комсомольских активистов меня отправили на рисовальную практику в Польшу: двадцать один день в Варшаве, Жешуве, Чудце, Пшемысле, Ярославле и Кракове (или в ином порядке — не помню). В СССР — Перестройка, бесконечные выступления М. С. Горбачёва, отделение Прибалтийских республик и Армении, выборы народных депутатов СССР на Первый съезд, мрачные события в Тбилиси, грузино-абхазские столкновения в Сухуми, вывод советских войск из ГДР и разрешение печатать Солженицына; в Польше — «Солидарнощч», Лех Валенса на броневике, разрисованная, будто сортир, желтоватая штукатурка домов (сейчас это один из жанров Street Art, а тогда — диковинка), стремительная инфляция золотого и доброжелательные к нам, зеленым советским студентам, польские коллеги-архитекторы.

В столичном магазине «Международная книга» на Маршалковской наткнулся на русский отдел, и отоварился: «Белые одежды» Дудинцева, «Избранные сочинения» Бухарина и трехтомник Владимира Беляева в издании «Советской России» — в Киеве тогда было не сыскать. Первые два тома — роман Беляева «Старая крепость» — были прочитаны там же, на койке во Дворце Сапегов, и, возвращаясь поездом через Чоп в Киев, ночью, после жутковатого пограничного приключения с паспортами, мысленно, в бессоннице провожал остававшийся южнее бывшего Проскурава загадочный Камень-Подольский, образ которого крепко-накрепко был вшит в юношеское сознание романом Беляева разом с отвращением к большевицким симпатиям автора. Семисерийный телефильм М. Беликова и А. Муратова о Василе Манджуре, Петре Маремухе, Юзике Стародомском, красном подпольщике Сергушине и прочих персонажах «Старой крепости» с запоминающейся музыкой замечательного Вадима Храпачёва, с Евстигнеевым в роли Петлюры и Копеляном в роли доктора Григоренко, с Неведомским, Степанковым, Львом Перфиловым, Валентиной Владимировой и Виктором Павловым удалось посмотреть целиком лишь недавно: спасибо Сети. И только через двадцать лет после польских вакаций, осенью 2009-го, впервые случилось побывать в городе над пересыхающим Смотричем, спуститься по Турецкой лестнице, взглянуть и на башню Конецпольского, и на башню Кармелюка, пройти по стеновым бойничным коридорам, вечером

с друзьями хорошенько воздав должное Бахусу в Ратушном подвальчике Старого города, из которого, по роману Беляева, выкинули пьяного комсомольца Яшку Тиктора.

Однако все эти годы так или иначе приходилось — совершенно начетнически, а потому метафизически — «бывать» в Каменце: благодаря книгам, статьям и чертежам Ольги Пламеницькой, многолетней коллеги по НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства, ликвидированному министерским приказом в 2007-м. Настолько личность автора отождествилась с городом, историей и охраной которого она занимается на протяжении десятилетий, что появление новой книги каждый раз, не особенно удивляя, тем не менее понуждало вчитываться и всматриваться: Пламеницькая не из тех ученых писателей, которые переписывают туда-сюда по многу раз ранее написанное, чтобы выпечь пиццу новой книжки. Ее сочинения «Християнські святині Кам'янця на Поділлі» (2001), «Кам'янець-Подільський» (2004), «Сакральна архітектура Кам'янця на Поділлі» (2005), туристические путеводители по городу и прочая околкаменецкая литература превратили образ города в некий осязаемо убедительный организм, удостоверяющий: жаль, что о других украинских городах так мало кто печется.

Вот и последняя по времени монография, будто подытоживающая, будто бы говорящая: «всё, закончили!», — выхватывает структурой и содержанием, казалось, только один аспект: каменецкая крепость. Не тут-то было: крепость — крепостью, но сюжет толстенной книги замешен на крепости и городе вместе, и автор стремится показать, как крепость провоцировала появление города, а город обосновывал появление крепости. Сначала взгляд останавливается как бы на глобусе — этому в подмогу даны фотографии с воздушного шара, — а затем медленными шажками-подпараграфами спускается к «медным кишочкам» деталей и догадок, которые в свою очередь снова требуют глобуса.

*Здесь и далее —
фотографии
Ильи Святогорова,
сентябрь 2009 г.*

В пяти разделах собран материал, необходимый и достаточный, чтобы оправдать шум заглавия: оправдать и по-латыни, и по-украински. Примерно так оправдывается заглавие «Res gestae» Аммиана Марцеллина. Кажется, что большего о крепости в Каменце, во всяком случае в ближайшее время, написать нельзя, и тема исчерпана: переезжаем — сквозь защиту заслуженной докторской — в город, скажем, Проскуров! Так нет: автор оставляет себе форпостное пространство для дальнейшего исследования, оно не вычитывается из книги, оно ощущается: нет, еще не всё, «я к вам пришел навеки поселиться».

В силу того мало оправданного обстоятельства, что вес книги — N кг, ее трудно читать лежа, приходится читать сидя, как действительно солидный научный труд. Ну, и отношение получается соответственное, внимательно-настороженное. Когда книги перестали печатать легкими (было даже какое-то ГОСТовское ограничение на физический вес книг) и стали печатать на мелованной бумаге, от которой слезятся глаза, время их чтения резко заменилось просматриванием. Как говорил один персонаж, удивившийся однажды обилию в магазинах туалетной бумаги: «мне теперь вместо газеты чё в руках разминать, шнур от модема?»

Чем большеформатней, толще и тяжелее книга — тем реже и внимательней ее читатель. Недаром формат pocket book наиболее приемлем, и не столько для беллетристики, сколько для ученых сочинений: больше вероятность, что а) возьмут в руки, б) откроют внутри, а не только оглавление, в) прочтут. Только по этой причине у книг, подобных изданию «Castrum Camenecensis», увы, читателей будет немного. Но я прочитал. Сидя за столом. С карандашом.

Почему? Потому что она хорошо и интересно написана, здорово иллюстрирована и непротивно сверстана: кому как не автору, знающему свой материал, верстать собственные книги?

Остановлюсь на некоторых лакунах, немножко мешавших плавности восприятия.

Когда О. Пламеницька пишет о том, что Птолемеява Клепидава это Каме-нец, опираясь на карту Николая Лауренти 1480 г. (стр. 30 sqq), хочется напомнить, что существует специальный трактат Ю. А. Кулаковского «Карта Европейской Сарматии по Птолемею» (К., 1899), к которому была приложена реконструктивная карта, вычерченная Кулаковским и отлитографированная в типографии Стефана Кульженко. Кулаковский пишет: «Истоки Борисфена показаны у Птолемея под 52° с. ш. и 53° в. д. Течение реки имеет несколько излучин до соединения с «западным притоком», вытекающим из озера Амадоки. Нельзя не узнать в этом притоке нашу *Припять* и в Амадокийском озере — наше Полесье, область Пинских болот. Уже Геродот имел сведения о существовании на северном пограничье Скифии болотной местности, питающей большие реки» итд¹. Интересная давняя гипотеза О. Пламеницькой о месте локализации Амадокийского (Амадоцкого) озера, представляющаяся убедительной, несколько подрывает уверенность в правоте Юлиана Кулаковского, но я обратил внимание на это обстоятельство лишь для того, чтобы показать, насколько глубоко наш автор внедрилась в тему. Несколько смущает разность в числе

¹ Кулаковский Ю. А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии. — СПб., 2000. — С. 250.

пролетов Замкового моста: то их на картинке пять, то семь, то восемь, то девять, то десять (ср. стр. 132, 143, 170, 278, 370, 405, 556–557, 558–559) — хоть бери кувалду и разбирай заложенный мост, чтобы удостовериться в их точном числе. Наконец, обращаю внимание на два терминологических курьеза: первый это просто кентавр «архитектурное искусство» (стр. 8), второй это диковинка «Північне Надчорномор'я» (стр. 40). Разумные читатели давно привыкли, что архитектура это не искусство, а все-таки архитектура, а неразумные по-прежнему сомневаются: может ли «Надчорноморье» быть южным?

Эти мелочи с лихвой вознаграждены описанием малоизвестного открытия еще Евгении Пламеницкой: обнаружение сортира («prewet») в комплексе зданий каменецкой гауптвахты. «Архітектура вбиральні у вигляді приземкуватої круглої башти з бійницями, прибудованої до прямокутного чотирисекційного тамбура, довгий час бентежила дослідників: оборонна функція башти, не подібної до жодної з башт міста і зведеної посеред житлового кварталу наприкінці XVIII ст., була сумнівною. <...> Запроектована Яном де Вітте форма і конструкція вбиральні була досить цікавою, можна навіть сказати, унікальною. <...> Отже, слушним був висновок Є. Пламеницької відносно унікальності єдиної на сьогодні санітарно-технічної споруди з оригінальним конструктивним вирішенням, що має безпосереднє відношення до військової архітектури Кам'янця» (стр. 502, 512). Действительно, почему до сих пор среди украинских исследователей истории архитектуры (например, аспирантов б. КИСИ) не проявился интерес к исследованию такой интереснейшей, прагматичнейшей темы, как обустройство отхожих мест? Ведь этот аспект в процессе

жизнедеятельности человека является едва ли не самой насущной функциональной составляющей. К тому же, после исследования Ирмой Каракис «архитектурно-планировочных решений и новых видов оборудования гардеробов в различных типах школьных зданий» (К., 1968), Б. Абатуровым — «роющей деятельности крота в широколиственном еловом лесу» (М., 1967), А. Ливинским — «социально-гигиенических особенностей заболеваемости партийных и советских работников болезнями сердечно-сосудистой системы и эффективности их реабилитации на курортах Южного берега Крыма» (К., 1981), — после таких диссертационных тем проблема устройства санитарно-гигиенических сооружений в крупных и средних городах Украины не покажется диковиной даже Мих. Безродному, высмеивавшему подобного рода заголовки¹. Поверьте, такие темы должны восприниматься серьезно.

Наконец, в одном месте хочется возразить автору (с намеком на дискуссию). О. Пламеницька пише: «На жаль, серед істориків побутує хибна думка, що джерелами достовірної інформації про час заснування міста чи будівництво окремих споруд можуть вважатися лише писемні документи. Втім, матеріальна субстанція будівель, як і археологічні культурні шари, є найбільш достовірними джерелами, бо виключають імовірність підробки» (стр. 536). Подделать можно что угодно, было бы желание и умение, дело не в этом. Конечно, там, где нет письменных источников, историку очень трудно. Но что такое в данном случае — в вопросе датировки основания Каменца — источник? Принадлеж-

¹ *Безродный М.* Конец цитаты. — СПб., 1996. — С. 34.

ность того или иного молчаливого кирпича/камня к той или иной эпохе штука не менее эфемерная, нежели письменное свидетельство. Вот надпись на молибдовуле или на монете, не обязательно на пергамене или бумаге, это другое дело. Наверное, вспомогательные исторические дисциплины (палеография, кодикология, дипломатика, генеалогия, геральдика, сфрагистика, эпиграфика, метрология, нумизматика, фалеристика, бонистика, ономастика итд), а не только письмо или камни, для того и совершенствуют свои методы, что историки совершенно не считают, что основанием их работы может быть только письмо. К тому же, вопрос о дате основания города всегда настолько скользкий и так пахнет выдуманными юбилеями эпохи большевизма, что поиск ответа на него подобен тому научному призраку, который, пожалуй, уже по Европе отбродил. Остался лишь крик петуха за сценой. Однако, я уверен, что Ольга Анатольевна имеет в виду собственно каменецких историков, представителей т. наз. «местной исторической школы», которые не хотят признавать метод анализа по строительным растворам — достаточно надежный источник, который действительно трудно фальсифицировать.

Куда поучительней задаваться вопросами, которые нашли и вправду интересные решения в рецензируемой книге. Их много, а переписывать оглавление охота невелика. Однако нужно с уверенностью сказать: этот научный труд открывает и порой закрывает ряд направлений в исследовании истории формирования крепостно-городского организма города Каменец-Подольский, тем самым заполняя лакуны нашего незнания о превратностях его судеб. Что штык-юнкер Ян де Витте был умным, странным, глубоким и грубым человеком, талантливо заправлявшим возведением каменецких фортификаций, и так ясно тому, кто знаком с его работами, а не с биографией: милый душака крепость не создаст. Биографические сведения о де Витте, изложенные в книге О. Пламеницкой (как ранее в ее же статьях, см. библиографию), дорисовывают творческий портрет и заставляют понять: фортификация Каменца была в надежных мужских руках.

Можно обратить внимания читателя на солидный научный аппарат и архивную базу, на то, что концепция эволюции каменецких фортификаций как города-крепости представлена здесь впервые; что книга ценна массивом новых графических реконструкций, тоже опубликованных впервые; что личный опыт археолого-реставрационной практики автора рассмотрен, так сказать, автобиографически, — как основа анализа реставрационной практики в Каменце вообще, итд. Читающий да прочтет. В частности, интересен п. 5.5, посвященный контаминации фортификационной системы Каменца с аналогичными объектами, внесенными в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО (стр. 578–586). При всей эфемерности идеи включения Каменецкой крепости в этот список —

по причине частых реконструкций, обусловленных временем, научной условностью и разрушениями, короче, по причине неаутентичности, — содержание раздела шире заголовка: автор убедительно встраивает *Castrum Camenecensis* в общемировой контекст каструмов, и любитесь, насколько эффектно он там выглядит.

Новая книга Ольги Пламеницькой — перспективный, ветвистый научный труд, заставляющий задуматься, вызывающий желание спорить, хохмить и даже подтрунивать над автором только потому, что перед тобой искреннее исследование, идущее от сердца и ума, черпающее из опыта и переживаний, а не следствие животно-карьерных телодвижений вузовского препода. (На сочинения авторов последнего человеческого вида пишутся казенные ВАКообразные одностраничные отзывы.) Цитата «*Non incauta futuri*» из «Сатир» Горация (I 1, 3: «не пренебрегай будущим», «не забывай о будущем»), совершенно уместная при входе в пороховой погреб (стр. 488), должна была быть вынесена эпитафией к книге: якобы глядя в прошлое, О. Пламеницькая пытается разглядеть (пусть с воздушного шара, пусть при помощи фотоаппарата) будущее Каменца, то, каким он мог бы, по ее мнению, быть и каким он все равно будет помимо чьего-либо мнения. Это своего рода культура исторического взрыва, при котором не остатки дряхлых строений разлетаются во все стороны, а наоборот — взрывным образом, кумулятивно собираются воедино.

Книгу «*Castrum Camenecensis*» можно рассматривать как систему раздра-

жителей, сознательно и преднамеренно организованных с таким расчетом, чтобы вызвать эстетическую реакцию. Ее, тяжеленную, не сдашь в макулатуру: рука не поднимется. Потому что автор, провоцируя эмоцию исследуемой формы, идет от этой эмоции к чему-то следующему за ней: к тексту, который сам по себе может стать историческим источником о судьбах Каменца (и лет через триста непременно станет), когда Старый город превратится в древний и исчезнет, а Новый состарится до такой степени, что начнет вопить об археологической раскопке.

И памятливый читатель, читая труды О. Пламеницкой, наверняка будет проводить совсем неактуальные нынче параллели с повествованием Вл. Беляева: «На следующий день, когда петлюровцы уже заняли город и вывесили на городской каланче свой желто-голубой флаг, мы с Юзиком Куницей увидели бегущего по Ларинке Ивана Омелюстого. <...> Размахивая маузерами, петлюровцы уже подбегали к берегу. Тогда Иван вскочил в башню Конецпольского, которая стояла на краю Заречья, у самого берега. И не успели еще петлюровцы добежать до реки, как из круглой башни раздался первый выстрел Омелюстого <...> Мы с Куницей с гребня Успенского спуска видели, как медленно поплыла вниз по течению кудлатая белая папаха петлюровца»¹.

Или, например, такие: «Спускаться по Турецкой лестнице — самое милое дело. По бокам ее, почти до самой реки, прочные дубовые перила. Сверху они гладкие, отполированные. Мы легли на перила и поехали вниз, пролет за пролетом, не успевая пересчитывать бегущие кверху выщербленные ступеньки»².

Или такие: «Крепость возвышалась над скалами, как в годы моего детства, и, как и сотни лет назад, замыкала собою въезд в город с юга, запада и востока. Ее плотные каменные стены старинной кладки, такие же прочные и нерушимые, как и те выщербленные серые скалы, на которых ее построили, на раз спасали жителей нашего города от врага.

По-прежнему высились над зигзагообразными крепостными стенами первого пояса укреплений то четырехгранные, то круглые сторожевые башни с узкими амбразурами, увенчанные зелеными от мха остроконечными крышами. Вспыхивали зеленые кроны деревьев на крепостных валах. Над обрывами выросли большие кусты жимолости и розового вереска. Колючая дерева свисала над пропастью, пробравшись своими корнями глубоко в каменную кладку, от которой турецкие ядра отскакивали, как орешки»³.

Лично для меня явление книги Ольги Пламеницкой это определенное за-

¹ Беляев Вл. Старая крепость // Беляев Вл. Собр. соч.: В 3 т. — М., 1988. — Т. 1. — С. 18–19.

² Там же. — С. 57.

³ Там же. — Т. 2. — С. 346–347.

крытие каменец-подольского сюжета, правильное и надежное его закругление. Хочется, чтоб у «Castrum Camenecensis» была столь же удачливая судьба, как и у самого Castrum Camenecensis, столь же внимательные читатели, сколь внимателен его нынешний туристообразный зритель.

Когда текст этой рецензии верстался, оказалось, что книгу О. Пламеницкой отметили на львовском книжном Форуме издателей специальной отметкой: малые жюри «Научные библиотеки» и «Львововедение» — призом «малых жюри». Львововеды так, видимо, восхитились трудом каменецкого издательства «Абетка», что расширительно подошли к понятию «львововедение», впитав книгу о Каменце-Подольском.

Андрей ПУЧКОВ

АНТИЧНА АРХІТЕКТУРА У ВИМІРАХ СУЧАСНОЇ КУЛЬТУРОЛОГІЇ

Пучков А. А. Поэтика античной архитектуры / ИПСИ АИУ. — К.: Феникс, 2008. — 992 с.: XXXII л. ил. — ISBN 978-966-651-659-9 — Тираж 400 экз.

Як відомо, греко-римська культура — «колиска європейської цивілізації» — залишила свій важливий слід і в Україні, адже античний спадок є частиною її історичних духовних та матеріальних накопичень. У VII–I ст. до н. е. узбережжя Північного Причорномор'я активно освоювали греки, які оселялися колоніями, утворюючи культурні осередки та будуючи міста-поліси. Старовинні рештки колись квітучих грецьких та римських міст, як нині свідчать археологічні дослідження, зберігають взірці античної архітектури. Саме їй — у всій повноті та розмаїтті проявів — присвячена фундаментальна праця Андрія Олександровича Пучкова «Поэтика античной архитектуры».

Звернення цього молодого, але вже достатньо відомого українського дослідника до античної архітектури, логіки й закономірностей її формоутворення на основі комплексного аналізу природи архітектури античного світу, показало важливість та, незважаючи на значну кількість праць, неочікувану недоопрацьованість з боку науковців-архітектурознавців даної проблематики. Важлива, *жива частина сьогодення*, вона є актуальною і для теорії, і для практики архітектури. Зокрема, це показує виділений у роботі науковий аспект, де антична традиція розглядається не стільки через осмислення архітектурної форми, скільки через принципи та механізми її творення.

Актуальність дослідження визначає також глибока увага автора до при-